

Андрей Русаков,
Михаил Эпштейн

СТРАНА

РАЗНЫХ СКОРОСТЕЙ

Михаил Маркович Эпштейн
Андрей С. Русаков
Страна разных скоростей
Серия «Школа для всех»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56149275

Страна разных скоростей/ Русаков А.С., Эпштейн М.М.:

Образовательные проекты; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-98368-131-6

Аннотация

Как перейти в общественной жизни от формулировок, сочиняемых по шаблону «надо, чтобы...» – к действиям, опирающимся на иную логику: «чтобы нечто получилось – надо...»?

Авторы книги видят в такой задаче суть перехода с политического мышления на педагогическое. Речь идёт об отказе от веры в административные решения, от ожидания быстрых результатов насильственного внедрения новшеств – в пользу опыта взаимопонимания и взаимодействия по-разному живущих и думающих людей, честного внимания к условиям для позитивных перемен.

Страницы книги убеждают в том, что такой переход насущно необходим в российской жизни и при всей его трудности всё-таки возможен.

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	8
Глава 1. Уроки истории	9
I. Несколько эскизов	10
II. Уроки, законы и феномены	17
III. На парадах исторических справедливостей	30
IV. Чему мы учимся, когда изучаем историю?	37
Глава 2. Об уважении к правовым основам образования	47
Глава 3. Ответственность культуры и культурное многообразие	61
I. Культура и беспомощность	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Русаков, Михаил Эпштейн

Страна разных скоростей

*Авторы благодарят коллег, участвовавших
в подготовке отдельных глав этой книги:
Андрея Домбровского, Ирину Дороницу, Валерия
Пузыревского, Александра Трапера, Анатолия
Цирульникова, Алексея Юшкова*

Предисловие

Всё чаще слышатся голоса о том, что в России нет шансов рассчитывать на быстрые изменения к лучшему; если же нацелиться хотя бы на двадцать лет вперёд – то силы надо вкладывать в перемены в сфере образования, в новые педагогические системы и хороших учителей, сделать образование и воспитание нового поколения главной общественной заботой.

Авторы книги приветствуют и поддерживают подобный ход мысли, но всё же полагают односторонние упования только на изменения в школах явным упрощением ситуации. Зато сам переход в отношении главных общественных вопросов с политического мышления на педагогическое необходим со всей очевидностью. Речь идёт про отказ от веры в административные решения, отказ от ожиданий быстрых эффектов насильственного внедрения новшеств – в пользу опыта взаимопонимания и взаимодействия по-разному живущих и думающих людей, честного внимания к условиям для позитивных перемен.

Страницы этой книги обращены к рассмотрению общественного развития России под педагогическим углом зрения. На них обсуждается то, как перейти от формулировок, сочиняемых по шаблону «*надо, чтобы...*» – к действиям, опирающимся на логику «*чтобы нечто получилось* – на-

do...».

Часть 1
Андрей Русаков
Общество в координатах
образования

Глава 1. Уроки истории

В годы перестройки российская нация из «литературоцентричной» стремительно превращалась в «историкоцентричную». Всё происходящее стало принято мерить историческими аналогиями, объяснять причинами, идущими из глубины времён, выражать в понятиях излюбленных исторических эпох.

Зато три десятилетия спустя для молодых поколений современной России желание рассуждать о жизни «исторически» смотрится дурным тоном, демонстрация исторической эрудиции – вариантом занятого чудачества, подобного коллекционированию значков или страсти к кроссвордам.

Разрыв в мировоззрениях поколений задаёт то скрытое напряжение, энергия которого может оказаться как движущей общество, так и разрушительной для него. Попытки разрыв ретушировать, заполнить его имитациями мифологий советской эпохи понятны психологически (а что ещё придумать, когда нет сил ничего придумывать?), но оборачиваются откровенным шествием голых королей.

Переход от агрессивности к осмысленности, от драки за прошлое к разговору о будущем предполагает и то, что в дискуссиях об историческом самосознании, образовании, культурной политике будут переходить от «перетягиваний канатов» – к признанию того, что многообразие в способах по-

нимания прошлого неслучайно. Значимые результаты будут давать сцепления, совместные «срабатывания» разных культурных позиций.

Как аукаются в общественных практиках те или иные способы обращения с историей, те или иные привычки в её восприятии? Серьёзный обзор подобного сюжета конечно, не предмет этой книги; я рискну взять на себя лишь поверхностную работу: набросать примеры резко различных способов общественных и личных взаимоотношений с историей, разметить условные ориентиры.

I. Несколько эскизов

**«Так это у вас нет истории:
у вас же всё меняется!»**

...Такую фразу бросил удивлённый индийский учёный в беседе со своим российским коллегой. Русский историк шутливо высказал свои впечатления от индийских хроник: действий вроде бы множество, но вовсе непонятно, какая часть калейдоскопа событий на чём сказывается; кажется, что ничего и не происходит: всё в Индии движется, колеблется, но столетиями остаётся на своих местах. Где тут история – последовательность событий, отчётливо менявших образ жизни страны?

На его рассуждения индийский историк и ответил приведённой выше фразой. Продолжил он примерно так: «Чего стоит история, в которой общественная и культурная ткань то и дело разрушаются, и их вынуждены создавать вновь с нулевой отметки? История – это то, как мы живём, то, среди чего мы живём, что дошло к нам актуальным и действенным. История рассказывает о том, что способно сохраняться во времени. Если до наших дней из прошлого докатились лишь какие-то обломки – то какая здесь история, где предмет, достойный исследования, в чём повод для образовательных усилий?»

Отстранимся от индийской экзотики, но запомним само отношение: история занята поиском ответов на детский вопрос «откуда оно такое»? – когда возникло, как выросло, почему оказалось именно таким?

Слоёные истории, или Три круга империи

Братья Стругацкие несколько раз пересказывали сюжет своего ненаписанного романа, намеченного продолжением «Обитаемого острова». В нём Максим Камерер направляется вглубь Островной империи, пытаясь с огромными трудностями проникнуть в её сердце.

Фронтир империи ощетинился своего рода адом: военными садистами, племенами людоедов, бандами преступников, сплетением передовых военных технологий и крайнего оди-

чания.

Но те, кто умудрялся преодолеть пограничные области, оказывались в куда более уютном «чистилище» – в землях, населённые «средними людьми» с обычными и осторожными нравами, грехами и достоинствами.

А вот на центральных островах открывался рай, едва ли не аналог коммунистического мира Полудня, откуда прибыл главный герой. Только творческие, мудрые и гуманные аристократы Островной империи не представляют, что мир может быть устроен как-то иначе: что их «коммунизм» может существовать без опоры на людоедскую периферию.

Возможно, архетип идеалов имперской государственности наметился у Стругацких слишком резким и узнаваемым, чтобы доводить сочинение романа до конца. А мы оттолкнёмся от этого сюжета и прикинем, какого рода взгляды на прошлое подошли бы каждому из трёх имперских кругов? Вообразить их несложно:

- интеллектуально-утончённая история-искусство, вдохновляющая элиту центрального «рая»;
- шовинистически-погромная, «военно-патриотическая» история-истерия, заряжающая фронтир энергией озлобления;
- и путаная, расшатанная в ценностях, фактах и ориентирах, зато более-менее успокаивающая и усыпляющая история для среднего «обывательского» общества.

Не правда ли, такие ведущие композиции историографи-

ческой музыки нам хорошо знакомы? Но делают ли три столь испытанные формы «обработки прошлого» более достойной жизнь сегодняшнюю?

Личная история

Общий тренд историографии второй половины XX века – уход от ажиотажного интереса к подробностям великих событий и к деяниям великих героев; на первый план вышли систематизация и анализ источников, связанных с обыденной жизнью, с культурой повседневности, с тем, как трагические или возвышенные события «большого времени» проходили через судьбы конкретных людей.

Наряду с этим шло массовое возрождение интереса к семейным воспоминаниям. Когда-то родовые предания о собственных предках и представляли собой основную «историческую науку» для каждого человека. (Именно о такой истории – известные строки пушкинского черновика: «...*На них основано от века // По воле Бога самого // Самостоянье человека, // Залог величия его*».) Лишь с эпохи Просвещения трактаты о великих этапах национального и всемирного развития начали активно оттеснять «семейную историю» с глаз долой, достигнув цели лет за полтора.

Теперь история в зеркале родных биографий повсеместно возрождается. Прошлое твоих родителей, бабушек и дедушек, их родни, их предков; семейные истории твоих дру-

зей – именно такие иллюстрации к «большой истории» вызывают настоящее доверие.

Или же не иллюстрации – а точки отсчёта? Сперва настоящее, личное, кровное, а уже от него отсчитывается нечто более абстрактное и всеобщее.

Не случайно для такой истории не было места в советских школах; слишком резко в подростковых руках всплывали факты нежелательные и опасные для всех: и для родителей, и для учителей, и для государства. Семейная память – невольная и неистребимая угроза для истории-мифологии закрытого общества. Фигуры умолчания о прошлом, на которых во многом держится общественное благополучие, бывают слишком ломкими для проверки живой памятью.

Обратная перспектива

Углубление в личную историю грозит и сменой перспективы. Когда ты вжился в мысли и чувства кого-то из твоих давних родственников, то словно уже не сам всматриваешься в прошлое, а напротив: это из прошлого устремлён на тебя мудрый оценивающий взгляд, который высматривает в тебе воплощение неких своих надежд, нравственных ожиданий и грёз о будущем.

История *изнутри*, история глазами «прежних» людей переворачивает наш собственный взгляд: ведь те люди видели впереди не «магистральную линию» развития событий,

а спектр альтернативных возможностей. Они стояли перед развилками непредсказуемого будущего, которое пытались угадать и предвосхитить, делая тот или иной выбор (а перспективы их судеб представлялись им зачастую совсем не так, как сложились потом). Стоит взглянуть на поток времени их глазами – и многое уже в нашей современности захочется признать куда менее однозначным, куда более хрупким и требовательным к нам.

Столица Мира

Вот удивительный сюжет из Верхоянского района, с полюса холода.

Мир Афанасьевич Юмшанов, учитель резьбы по мамонтовой кости, стал руководителем верхоянского управления образованием. И... занялся переносом местной столицы – для начала хотя бы образовательной – в маленькую деревню в центре улуса, на перекрёстке дорог между нынешним райцентром Батагаем и старинным крохотным Верхоянском¹.

Батагай – самый крупный посёлок района, бывшая лагерная столица. Бараки, замёрзшие заброшенные промзоны, пустынные долины – сперва опустошённые гулаговской индустрией, а теперь вновь зарастающие чахлой тайгой, над ни-

¹ Подробнее об этом сюжете читайте в книге *А. М. Цирульников Педагогика кочевья*. Якутск, 2009 (эл. публ.: <http://setilab.ru/modules/article/view.article.php/c24/293>).

ми – самые холодные хребты северного полушария. Образы безнадежной разрухи и эхо человеческих страданий.

Инфернальная сторона истории не всегда может «схватить за горло», но уж «вязать руки» и «держаться за ноги» способна; вырваться из её объятий – особое искусство.

Окружающая нас историческая символика: «память места», сцепленные с ней образы прошлого, артефакты, сфокусировавшие боль или надежды прежних времён – всё это действует на нас едва ли не осязательней пресловутых «законов истории». Потому и «сменить прошлое» зачастую хочется попытаться в пространстве, а не во времени.

«Гулаговский Батагай не переделать» – решил Мир и затеял сцепить будущее с другой историей: перенести столицу Верхоянского края оттуда, где нет культурной традиции, туда, где она может возникнуть. На выбранном им перекрёстке в старину стояла церковь, когда-то здесь останавливались русские первопроходцы, в войну прилетали американские гидропланы и т. д.

Мы беседовали с Миром Афанасьевичем лет десять назад, ели варенье из огромной заполярной земляники, и обсуждали, как он планирует перенести свой отдел образования, построить здание для новой школы, объединить с ней создаваемый клуб и культурный центр; как ищет соратников в этом деле и надеется, что постепенно деревушка на перекрёстке дорог перетянет население.

Насколько удалось Миру осуществить свой проект? Вряд

ли в большой мере (слухи бы дошли); по нынешним временам это неудивительно, да и не думаю, что до сих пор Мир Афанасьевич остался в прежней должности.

Но его надежды, расчёты и усилия ценны для нашей темы сами по себе – как великолепная модель конструктивного обращения с историей.

II. Уроки, законы и феномены

Обманутые ученики

...Этот урок цесаревич Константин Павлович усвоил надёжно: если занял царский дворец, то ожидай убийц. Для России последствием его категорического отказа от престола стали декабрьское восстание, разгром дворянского «гражданского общества», захват государственной машины безграмотной и жадной бюрократией и три десятилетия резкого торможения страны в своём развитии.

А спустя пять лет мизансцена, столь пугавшая Константина Павловича, воплотилась в реальность. Вооружённые мятежники с криком «Смерть тирану!» распахнули двери спальни в его дворце; лишь череда случайностей выручила великого князя в ту варшавскую ночь. Впрочем, для того только, чтобы парой месяцев позже позволить ему скончаться в Витебске, полностью раздавленным морально

и физически.

...Другой ясный вывод сделала уже вся императорская фамилия из французской революции. Стоит королю поддаться общественному мнению – и траектория, начатая самыми невинными уступками гуманности и здравому смыслу, стремительно приводит на плаху. Твёрдость и только твёрдость в отношении к любым требованиям – таков единственный шанс предотвратить великие потрясения.

В «Эпоху великих реформ» последствием хорошо выученного урока стали свирепые расправы над наивным студенческим бузотёрством, обеспечив кадры первых призывников в мир профессиональных революционеров и дав старт народолюбческому террору; в 1905-м – «знание истории» предопределило расстрел верноподданных рабочих демонстраций (руководимых священником толстовских взглядов и даже партнёром охранного отделения). Чтобы не быть сметёнными последовавшей бурей общенационального восстания, поддаться всё-таки пришлось; «конституционный» маневр на удивление удался – но как только затеплилась уверенность, что кризис пройден, императорский двор с радостью ухватился за первого же героя, обещавшего «возвращение к твёрдости» и отказ от прежних уступок.

...Сам же назначенный героем П. А. Столыпин истори-

ческим образцам явно доверял. Вопрос «делать бы жизнь с кого?» – для него был решён заблаговременно: делать её надо было, конечно, с Отто фон Бисмарка. Выбор решений, правила поведения и стиль выступлений Столыпина словно тщательно копируют страницы воспоминаний железного канцлера. Но, увы, та энергия «твёрдой дворянской руки», которая вывела Германию из революционной лихорадки в строгий имперский порядок, в России подтолкнула имперский порядок к окончательному загниванию и превратила в труху², подвела отношения дворянства и крестьянства к преддверию пугачёвской расправы, а взаимную враждебность всех слоёв столичного общества довела до состояния «пороховой бочки». (Силу резонанса протестировала

² Предшественник Столыпина граф Витте, умудрившийся заключить почётный мир с уже победившей Японией и сбивший объявленными и обещанными реформами основную напор революционного насилия, писал в отчаянии, что более не видит никакого шанса для монархии спастись при следующем кризисе – когда с ужасом наблюдал, с какой радостью власти забирают обратно своё «царское слово». Подозреваю, что Сергей Юльевич Витте куда более Столыпина подходил на ту роль, для которой А. И. Солженицын так напряжённо искал подходящее лицо: реформатора, способного провести империю между реакцией и революцией, ввести Россию в эпоху великих социально-экономических перемен без массового насилия и разрушения страны. Но, увы, в художественном отношении расчётливый инженер и математик, любящий хорошие заработки, нервный, едкий, вёртко-энергичный «граф Полусахалинский» куда менее соответствовал образу трагического героя, чем прямой, демонстративно-мужественный, мудро и афористично высказывающийся Столыпин. По фигуре Витте трудно лепить монументы. Да и мыслил С. Ю. Витте отнюдь не возвышенными историческими параллелями, а мерой закономерной отдачи от тех или иных усилий (приправленной осознанием грубых реалий современного ему мира).

финальная попытка царского двора «проявить твёрдость» в феврале 17-го).

Завершу эту серию арабесок более литературной и современной.

Одного из лидеров российских «либеральных реформ» пригласили на встречу со старшеклассниками в летнюю школу. Когда ребята спросили его: «Какие три книги были для вас главными в жизни?» – он задумался и ответил: «Айн Рэнд “Атлант расправил плечи”. Там три тома, так что можно считать тремя книгами».

Мало кто другой на протяжении последних тридцати лет обладал такой мерой участия во власти как этот человек; мало кто приложил столько усилий к тому, чтобы итог «реформ» получился именно таким. И надо же было умудриться достичь буквального совпадения этих результатов с правилами того мира, что сочинила Айн Рэнд в своей антиутопии:

- где предпринимательские усилия ничтожно малозначны в сравнении со «связями в верхах»;
- где для людей, принимающих решения, безразлично, что произойдёт в действительности: важно, чтобы их лично никто ни в чём не обвинил;
- где все ценности признаются условными и относительными и нет абсолютов – кроме одного: воли правительства;
- ...а «разгадкой темной тайны противоречивых решений правительства является скрытая сила связей и блата»;

- где практически в любой отрасли хозяйства «наименее плохим из представителей правительства» считается тот, у кого об этой отрасли есть хоть какое-то представление;
- где лучшая политика на любом рабочем месте – ни о чём не думать и соглашаться со всем, что велит начальство.

Можно цитировать столь любимую «либерал-реформаторами» книгу страницу за страницей, но сдержим себя; добавлю лишь к слову из трёхтомного памфлета Айн Рэнд незатейливый афоризм: «Отказ от признания реальности всегда приводит к губительным последствиям».

Не таков ли типовой эффект от слишком хорошо выученных «уроков истории» (а равно от уроков историй литературных и идеологических)?

Про обманы зрения говорят часто, про обманы слуха – гораздо реже. Но обманы истории ближе именно к обманам слуха (точнее, к самообманам). Стремясь делать «выводы из прошлого», мы слышим из истории обычно то, что нашему уху уже знакомо и хочется услышать; а следом и на глаза надеваем те шоры, что помогут не замечать неудобных черт реальной жизни.

А тот, кто идёт в шорах по самому прямому пути к избранной цели, наверняка придёт к противоположной. История всегда его обманет.

Как срабатывают «законы истории». (Вот только – истории ли?)

Вернёмся к «урокам»: неужели действительно исторический опыт не позволяет ничего предвидеть, ничего предсказать по аналогии?

Увы, очень даже позволяет. У одинаковых причин слишком часто оказываются сходные последствия.

...Мне помнится, как не раз спрашивали в 1990-е годы одного из знаменитых православных публицистов и проповедников: не видит ли он опасности в том, что церковные структуры становятся всё ближе к чиновным учреждениям – и по кругу общения, и по собственному образу жизни, и по увлечённому выстраиванию иерархий? Обычно он легко успокаивал собеседников: «Неужели вы думаете, что мы ничему не научились за XX век? Большая часть церковных людей хорошо помнит о последствиях "симфонии" церкви и государства в Российской империи, прекрасно понимает опасность казённости и сервильности перед властью для христианской жизни; конечно же, мы найдём разумную меру».

Тогда этот проповедник считался почти что выразителем официальной православной политики; его слова воспринимались весьма консервативными, твёрдо ортодоксальными и корректно-взвешенными. Насколько я могу судить, за прошедшие двадцать лет взгляды его не сильно изменились. А

вот в церкви поменялось многое: теперь его уже считают радикальным либералом и едва ли не отступником и еретиком.

Как такое произошло? Ведь церковные люди в большинстве своём действительно всё понимали. Но социальные механизмы срабатывали через них, через обыденный порядок отношений (а их частное мнение могло оставаться каким угодно); и «обер-прокурорские» правила ведения церковных дел успешно восстановились по мере заботливой реконструкции деталей имперского церковного управления, деловых практик, рамок, антуража, требований и ограничений той эпохи.

Конечно, ничего специфически-клерикального в подобном сюжете нет. Люди в социальном пространстве своего рода «кентавры»: они остаются личностями, свободно размышляющими о происходящем, но в качестве участников социальных механизмов «телом» срабатывают так, как им положено срабатывать по функциональной роли.

Для преодоления машинальности нужны последовательные и согласованные коллективные усилия, исправляющие социальные механизмы в соответствии с разумом, этикой и волей людей – или же личное решительное действие вразрез с системой и собственной в ней ролью. Но на второй путь всегда рискнёт вступить лишь малое меньшинство, а для пути коллективных изменений нужны как минимум привычка к разумному (а не только исполнительному) ведению собственных дел и пространство для открытого обсуждения

профессиональной жизни, для согласования общих позиций и усилий.

Если таких условий и привычек нет, то при рассогласовании между логикой социальной машины и здравыми взглядами на дело, машина почти всегда победит; большинство людей не склонны идти против порядка вещей, когда это явно грозит их благополучию. (Другой вопрос, какую меру безумия приобретает при неограниченном своём торжестве роботизированная социальная система и как быстро разрушает себя, погребая с собой и призраки благополучия).

Увы, схожие общественные обстоятельства, «неиспорченные» участием сознательной человеческой воли, срабатывают достаточно единообразно.

Вот только считать ли подобные закономерности историческими? Им ведь посвящена специальная наука – социология. Скажем, геологическая история и палеонтология признаются очевидными разделами отнюдь не истории по преимуществу, а геологии и биологии. Не аналогично ли стоит оценивать и законы истории социальной?

История начинается там, где заканчивается социология. Тезисы Павла Флоренского

Последовательно аргументировал такую позицию П. А. Флоренский. В конспекте лекций «Об историческом познании» (которые Павел Александрович составлял в се-

редине двадцатых годов)³ он, оттолкнувшись от размышлений об истории философии, оценивает предмет исторической науки как таковой.

Представим стержневую мысль его работы в виде нескольких логических ходов.

Тезис 1. Причинно-следственные закономерности отсутствуют, когда наступает подлинная история («Общество подчиняется законам статистики и социологии постольку, поскольку оно прозябает, а не живёт. Другими словами, поскольку нет истории, а есть быт. Но лишь наступает история, поскольку наступает история, где наступает история – и тогда, и постольку, и там отменяются эти мёртвые закономерности»).

Тезис 2. История – наука о своеобразии, наука о лицах, а не о вещах. («Науки о законах суть науки о природе. Науки об единичном суть науки о культуре, или о человеческом духе – или гуманитарные... Лицо человеческое и есть предмет истории, и всё с ним и ради него и из него совершающееся, в противоположность совокупности вещей, природе. Для наук о культуре всё своеобразно, и, если исследователь не видит своеобразия исторических явлений и тем более лиц, – это значит, что он не умеет овладеть предметом своего

³ См., напр., *Флоренский П. У водоразделов мысли. (Черты конкретной метафизики)*. Т. 2. М.: Академический проект, 2013.

исследования. И напротив, ухватить своеобразие явления – это и значит понять его».)⁴

Тезис 3. История – наука о единичном и целостном: о том, как фокусируется целостное в личности и о том, как складывается целостность культуры. («Каждая ниточка культуры подразумевает всю культуру, как среду, вне которой она не может быть. Общности (схожести) природы через закономерность соответствует живое единство культуры через целестремительность. <...> Отсюда единство – то, что заменяет закономерность. Культура – целое, целостное. Отсюда понятно, что в ней и должно быть всё единично и при этом было бы целостным».)

Можно заметить, что Флоренский уводит нашу мысль на давний сюжет, ярко освещённый ещё Кантом: противопоставление царства природы (где всё предопределено и под-

⁴ См. также далее: «История имеет предметом своим не законы, а единичное; она не обобщает, а обособляет – не генерализирует, а индивидуализирует. Другими словами, она имеет своими характерными признаками нечто противоположное признакам таких бесспорных наук, как химия. <...> Сюда можно добавить ещё противоположение: науки о лице – науки о вещи. <...> Культура – связанное целое, иерархия целей. Но наука и состоит в расчленении своего материала с тем, чтобы понять его строение. Но как расчленяется это целое? Где центры целей и их осуществлений? Мы знаем, что это суть личности, лица. Если природа расчленяется на вещи, то история – на лица. Культура – не в вещах как таковых, а в своеобразно преломляющейся по поводу них воле человека, чувствах человека и целях. Совокупность же волевых устремлений и целей их характеризует лицо».

чинено научным законам) и царства свободы, в котором действуют те существа, которым может быть вменён моральный закон именно в силу их свободной воли и разума.

...Флоренский пытается ввести «классификацию в делении наук»: «Шесть "sciences fondamentales" – Математика → Астрономия → Физика → Химия → Биология → Социология. Где же история? История лишь постольку наука, поскольку она социологична, поскольку в ней действуют, например, законы статистики. Такова монотонная сторона истории, её вечное *бывает*. Смысл монотонной стороны истории – в том, что когда нет ни особых причин, ни особых условий, когда все и всё остаётся по-старому, то и всё делается по-старому. <...> Жизнь духа всегда идёт к новому, не потому, что новая вещь лучше старой вещи, а потому, что для деятельности быть новой – это и значит быть, а быть неподвижной – это значит быть бездеятельной – не быть вовсе.»

Если история – дисциплина естественнонаучная или социологическая, тогда в ней не место моральным оценкам; мы можем изучать причины и следствия, но не имеем оснований никого хвалить или осуждать – ведь люди вынуждены были подчиняться законам истории и выполнять свои фатально определённые роли.

Но если понимать историю так, как предлагает Флоренский – то всё, что относится к *настоящей истории*, подлежит сфере этических оценок и является одной из основ нрав-

ственного опыта и воспитания людей.

Точная история и гибкая история

К 1990-м годам казалось, что на смену причинно-следственному обращению с историей придёт история-диалог, искусство сопрягать противостоящие точки зрения, гибкая логика бахтинских «хронотопов» и т. п.

Но, похоже, постмодернистские игры с культурой, гуманитарной наукой и информационной средой вызвали слишком горячее отвращение к двум незатейливым выводам, стандартно извлекаемым постмодернистской эстетикой из любой противоречивости: «всё так сложно, всё так запутано» и «всё можно представить чем угодно». Тогда антитезой, противоядием нарастающему хаосу исторических фантазмов на первый план вышла ценность фактической, буквальной, чётко обоснованной стороны истории.

Значимость точного факта и документированных аргументов легла в основу триумфа «Википедии», где смогли неразрывно переплавиться научные и любительские подходы к истории, энергия любознательных дилетантов и формальные требования академического порядка. Характерно что этот глобальный механизм представления и совершенствования корректной базы «фактологической истории» (едва ли не наиболее мощный на сегодняшний день) выработала не отборная элита, а весьма разные люди, но в каждом слу-

чае с заинтересованностью и ответственностью «выше среднего» и готовностью подчиняться установленным здравым правилам⁵.

Википедия – самый масштабный феномен; но разворачивание мерцающих и широких полотен событий с опорой на рационально проверяемые факты – общий тренд просветительской историографии. Как на локальный образец жанра можно указать на недавний изящный замысел – проект Яндекса «1917. Это революция. Прямо сейчас»⁶ – с его структурированной картиной документов, писем, дневников, совершающихся изо дня в день событий в привязках к конкретным домам и улицам и т. п. Такого рода проекты становятся теперь «порталами» входа в исторические знания для миллионов людей.

Обратим внимание ещё на одну особенность: обобщающий, теоретический взгляд на историческую картину теперь оказывается связан по преимуществу не с установлением причин и следствий, а с задачами понимания масштаба. Умение прорабатывать логические цепочки становится второстепенным, а ключевым – способность установить меру значимости тех или иных явлений, их вес, их размерность, их типологические свойства. (И многие «камни, отвергнутые

⁵ Сбоев в строгом соблюдении википедических правил, конечно, хватает, но чаще всего в предсказуемых сегментах: или в темах, слишком давящих на мозоли «национальных справедливостей», или в оценках новейшей истории – в той мере, в какой она ощущается ещё кровоточащей современностью.

⁶ См. <https://project1917.ru>

строителями» исторических концепций, нередко начинают утверждать своё место «во главе угла»).

III. На парадах исторических справедливостей

Когда прорывает плотины

Музы истории равнодушны к забвению, зато мстят, когда их силой заставляют умолкнуть; на свободу они вырываются валькириями.

Я подозреваю, что советское государство было обречено на гибель не своим практическим устройством к 1980-м годам, а эхом гулаговской эпохи. Последствиями уничтожения миллионов наиболее активных людей, традициями взаимной подозрительности и озлобления общественных нравов, глубоким маркированием гулаговскими метками всего пространства страны, языка и общественных практик – и, наконец, главным, заключительным ударом по советскому проекту: крахом плотины фальшивой истории СССР.

Такая плотина и не могла не рухнуть при первых же общественных потрясениях. Её наспех возвели из подручных средств на рубеже шестидесятых в качестве негласного общественного договора «не ворошить прошлое», переходя в эру строительства материального благополучия, уважения к

здравому смыслу и признания более-менее гуманных ценностей.

Но отгороженное море ужасов продолжало нависать над «долинами» спокойных размеренных дел, сочилось сквозь «щели плотины», питало сомнения множества людей в моральной оправданности советского режима⁷. Когда же иерархическое управление страной зашло в тупик, и советское общество должно было начать открыто разговаривать, искать решения, договариваться внутри себя – то разговоры по существу насущных забот были вскоре сметены той «правдой, которая хлынула потоками»; миллионы людей эта правда заставила брезгливо отшатнуться от оснований собственного государства (к которому большинство было не так уж и враждебно) и упразднила саму недосложившуюся советскую политическую нацию, обратив друг против друга составлявшие её народы.

Для расколотого и разобщённого общества этническая идентичность – самая понятная, жажда ощутить себя обиженным – общераспространённая, желание назвать и заклеить виновных – глубоко органично. И со счетов мёртвому сталинизму легче всего было соскальзывать на счета, которые предъявлялись «от нашего народа вашему». Лозунги

⁷ Характерно, что почти всё диссидентское движение в позднем СССР было связано не с социальными или политическими требованиями, а с многочисленными попытками разоблачения раннесоветского прошлого одними людьми, их репрессированием со стороны властей – и волной правозащитного движения в поддержку несправедливо осуждённых.

восстановления «исторических справедливостей», поправленных за последние лет пятьсот-шестьсот, легко отбрасывали народы на грань или за грань войны и обрекали новые государства на долгие годы парадно-патриотической разрухи.

А как же без исторической справедливости? Опыт Ботнического залива

Пример из альтернативной истории.

Когда Финляндия объявила о своей независимости, братская Швеция приветствовала такой факт, но с одним уточнением. Надо бы вернуть Аландский архипелаг, который до российского завоевания к Финляндскому княжеству не относился, населён исключительно шведами, да и к Стокгольму расположен куда ближе, чем к Хельсинки. К тому же сами жители архипелага подали петицию шведскому королю с просьбой поскорее вернуть их в подданство.

Но и финны за столетие свыклись с тем, что Аланды – часть их родины; а для финского государства ставить под сомнение едва обретённые границы казалось делом смертельно опасным.

После двух лет конфликтов и обид об «исторических справедливостях» всё-таки решили забыть, государственные амбиции сдержать, а сделать так, как было бы удобно для людей.

В результате Аландские острова остались частью Финлян-

дии, но приобрели особый международный статус.

Острова получили автономию почти по всем вопросам внутренней жизни; местные жители не служат в финской армии; существует местное гражданство и только оно даёт право на приобретение недвижимости на островах; финские законы (и даже международные договоры Финляндии) вступают здесь в силу только после утверждения местным парламентом. Даже финский язык не является обязательным ни в административных делах, ни в школьном обучении (хотя при этом все им владеют, в жизни пригождается). В ЕЭС положение Аландской автономии регулируются особыми соглашениями; Аланды, в частности, не входят в налоговый союз ЕЭС и не подчиняются многим обязательным для Финляндии и Швеции регламентам.

Прошедшее столетие показало, что такое положение дел устраивает и шведов, и финнов и особенно аландцев – да и для других оказывается притягательным: характерно, что на Аландские острова (население которых составляет 25 000 человек, а климат вполне петербургский) ежегодно приезжает миллион туристов.

Тяжба за священный суверенитет между олицетворёнными в государствах нациями (выученными на своих «исторических справедливостях») решается лишь фактом применения силы или фактом обидного для обеих сторон компромисса.

Но когда взгляд во времени обращён в будущее, а ин-

интересы людей признаются соразмерными интересам государств, тогда получается найти решение, оптимальное для всех. Увы, такое решение – всегда нетривиально.

Другой остров: рассуждение по аналогии

Обернёмся на тот остров, который не так давно был полуостровом. Перспективы «окончательно решённого», но очевидно межумочного положения Крыма в политическом пространстве свелись, похоже, к единственному ожиданию: российское или же украинское государство рухнет быстрее под бременем внутренней деградации. Кто продержится дольше – того и Крым.

Текущих оценок ситуации, собственно, всего две: или «проблемы нет» – или же это неразрешимое трагическое противоречие на десятилетия⁸. В логике «исторических справедливостей» на лучшее рассчитывать и не приходится. Но если видеть перед собой хотя бы «аландский прецедент» и верить в способность государств несколько поступаться амбициями, то путь к поиску решений может быть открыт.

Два ориентира достаточны, чтобы при наличии доброй

⁸ Впрочем, временами заявляют ещё о том, что хорошо бы провести какой-нибудь новый референдум. Т. е. как 51 % жителей решит – тому и Крым, а 49 % должны смиренно согласиться, собрать свои котомки и уйти, куда глаза глядят. Тогда-то, мол, благоденствие и наступит.

воли взяться за «неразрешимые противоречия»:

а) признание необходимости особого статуса Крыма;

б) признание того, что права и интересы жителей Крыма (а также перспективы развития полуострова) можно расценивать выше забот о неколебимости государственных суверенитетов.

При таком подходе юридические решения не обязаны придумываться сразу и навсегда; приближаться к позитивному результату можно последовательно, шаг за шагом снимая напряжение и облегчая жизнь крымчан. Определённые шаги потребуют согласованных российско-украинских решений, но многие Россия способна совершать и в одностороннем порядке. Можно вообразить, например, такую последовательность действий:

- Признание того, что проблема Крыма и нормализации жизни крымчан существует.

- Признание за крымчанами права быть гражданами как России, так и Украины; права придерживаться разных мнений относительно государственной принадлежности Крыма и не быть за это преследуемым.

- Совместная с Украиной (в перспективе планирования последующих шагов) работа по снятию ограничений с крымчан: «крымская прописка» в паспорте перестаёт быть ограничивающей в международных передвижениях, пропускной режим упрощается, перестаёт действовать административное/уголовное преследование со стороны Украины за посе-

шение Крыма и т. п.

- Признание права украинских граждан, живущих в Крыму, в уголовных делах быть судимыми украинскими судами по украинским законам.

- Обсуждение особого статуса Крымской автономии с особым гражданством, носителями которого могут быть как российские граждане, так и украинские. Синхронизация основных положений о крымской автономии в российском и украинском законодательстве.

- Фактическое введение крымской автономии в действие (с правом установления особой таможенной зоны, с правом крымского парламента утверждать или не утверждать общероссийские/общеевропейские законы и т. п.).

При подобном ходе событий наиболее задевающие государственное самолюбие вопросы смогут решаться в рабочем порядке, утрачивая остроту. Из зоны конфликта надолго отчуждённых друг от друга стран и народов автономный Крым невольно окажется зоной их интенсивного сотрудничества: ведь здесь будет насущной потребностью постоянно сближать и согласовывать интересы граждан, государств, предпринимательских проектов, международных программ и т. д.

Конечно, это всего лишь образ возможного подхода, а не реальная политическая программа. Я отдаю себе отчёт, что судьбы стран зависят не от сочинения изящных проектов, а

от раскладов политических сил, чьих-то последовательных усилий и стечения обстоятельств.

Но хорошо бы нам в серьёзных делах не поддаваться иллюзиям «окончательных решений» и «неразрешимости противоречий», не принимать за них отсутствие доброй воли, инерцию мысли и неготовность к действию. Иначе мороки «исторических справедливостей» надолго будут средой наших печальных блужданий.

IV. Чему мы учимся, когда изучаем историю?

Дети пишут учебник истории

Тридцать лет назад новосибирский профессор Юрий Троицкий загорелся желанием привлечь крупных сибирских учёных к разработке новых подходов в преподавании школьных предметов. Во многом это удалось, и к началу 1990-х годов сложилась уникальная лаборатория «Текст», объединившая ряд выдающихся филологов, историков, математиков и большое число учителей из разных городов.

Сотрудники лаборатории исходили из того, что гуманитарная наука на школу должна влиять не бесконечными пересмотрами сюжетно-тематического планирования, а созданием условий, меняющих тип деятельности школьников. А

потому и оформляться не через программы, а через методы учебной работы (которые в свою очередь должны меняться от года к году в соответствии возрастным интересам школьников).

Название лаборатории символизировало переоценку логики взаимодействия учителя, учеников и учебного текста на уроке. Если привычная задача для преподавателя понималась как пересаживание заданного «текста» из учебника в голову ребёнка, то теперь «текст» (т. е. комплект подготовленных учебных материалов) занимал место между учителем и учениками, становился предметом совместного *изучения*, а не *выучивания*.

В собственной технологии исторического образования Ю. Л. Троицкий постарался смоделировать на уроках в подростковых классах жанры работы историка-исследователя, его подходы к первоисточникам, проблемы критики источников и т. п.

Ребята в пятых-шестых классах, работавших по технологии Ю. Л. Троицкого, в каждой учебной теме встречались с тремя позициями, представленными в подготовленных текстах:

- *современника событий* («горячая» позиция включённого в действие соучастника),
- *потомка* (дистанцированная, «холодная» позиция наблюдателя),
- *«иностранца»* (удивляющееся сознание «переводчика»)

одной культуры на язык другой).

При этом акцент ставился не на совпадении, а на различии позиций хрониста или летописца (с одной стороны); историка, писателя, школьника (с другой); путешественника, торговца или паломника (с третьей). Временами эти позиции дополнялись четвёртой – ролью пересмешника, сатирика или карикатуриста на исторические темы.

Предварительной задачей учителя было подготовить соответствующие комплекты документальных фрагментов с учётом двух принципов: их противоречивости по содержанию и разнотипности по жанру (карта может соседствовать со словесным описанием, репродукция – со статистикой, дружеское письмо – с законодательным актом).

Так история из плоскостной и чёрно-белой становилась объёмной и многокрасочной. Безапелляционность уступает место любопытству, сомнению и балансу аргументов.

Характерный жанр в пятых-шестых классах можно было назвать так: «Мы пишем учебник истории». Ребята размышляли над противоречиями определённой темы, и готовили для будущих читателей (гипотетических или реальных) учебник по ней, где излагали согласованную между собой версию событий, стараясь представить её убедительно, интересно и доходчиво.

В такой работе школьникам становились понятны как обоснованная вариативность (а порой и альтернативность)

трактовок исторических событий, так и представления о достоверности/недостоверности, доказательности/абсурдности тех или иных утверждений.

Химия и алхимия исторических текстов

За прошедшие четверть века Юрий Львович Троицкий стал автором многих проектов для всех ступеней образования, в разной мере воплощавшихся в практике⁹.

В одной из недавних своих работ (связанных скорее с вузовским образованием) Ю. Л. Троицкий предложил такой «атомарный» анализ материи любого «исторического» текста:

- *Факты* (данные, которые нам известны из первоисточников) —
- *Аргументы* (то, за счёт чего мы эти данные проверяем и обобщаем) —
- *Мифемы* (архетипические образы восприятия истории)

⁹ Свой подход к перестройке гуманитарного образования Ю. Л. Троицкий и его коллеги постепенно назвали «Школой понимания». Некоторые её особенности они формулировали, например, так: «Навыку репродуктивной педагогики “Школа понимания” противопоставляет вкус. Наличие или отсутствию вкуса, степени его развитости решающее значение принадлежит не только в области эстетического воспитания. Приобщение к любой сфере культурной деятельности означает наращивание ценностной шкалы суждений, углубление интересубъективной обоснованности субъективного мнения... что входит необходимой частью в то, что может быть названо культурой предметного мышления».

—
– *Идеологемы* (средства рационального управления историческим сознанием).

Установление пропорции этих «атомарных составляющих» позволяет на «химическом» уровне достаточно легко представить, чего мы должны ожидать от того или иного исторического сочинения.

Рискну продолжить эту мысль в виде менее ответственной метафоры; попарная связь указанных типов «атомов» даёт и своего рода «молекулярную структуру» для четырёх «химически чистых» отношений к пониманию истории:

- «научная история» – *то, что уже понято* (рациональная история, «история фактов», результаты критического анализа источников) – *данные × аргументы*;

- «нормативная история» – *то, как должно понимать* (сакральная история, «история монументов») – *мифемы × идеологемы*;

- «теоретическая история» – *в какой логике мы что-то можем понимать* (исторические концепции, «история понятий») – *аргументы × идеологемы*;

- «живая история» – *то, как сама история «понимает нас», за счёт каких средств нас формирует* («история артефактов», символическое пространство истории) – *факты × мифемы*.

Болезнь или лекарство?

Евгений Валентинович Медреш, учитель истории и директор харьковской гимназии «Очаг», передавая одну из своих статей в наш педагогический журнал, посвятил её киевскому коллеге, преподавателю физики: *«В том, что касается истории и способов её понимания, одним из самых удивительных моих собеседников был великий учитель физики Анатолий Шапиро. В отличие от поэзии и физики история не очень вдохновляла его, скорее несколько пугала своей непредсказуемостью и негуманностью, и поэтому он был к ней внимателен и осторожен».*

Не случайным было взаимное тяготение этих двух знаменитых учителей. История и физика – своего рода братья-антиподы, подобно математике и музыке. Тех объединяет абстрактное изящество точных размерностей, а физику и историю – весомое, грубоватое, пластичное противоборство сложной реальности с пытливым взглядом исследователя, выискивающего в сумбурных движениях мироздания отчётливость, структурные узлы для работоспособной модели смысловых связей.

Один из ответов на вопрос «Что мы изучаем в истории и зачем делаем это?» по утверждению Е. В. Медреша состоит в следующем.

Душевно здорового человека от невротика отличает спо-

способность осознавать и принимать в полной мере реалии собственной жизни; он способен принять на себя ответственность за собственную жизнь и судьбу в её реальном времени, месте и событийной канве. По таким же основаниям здоровому обществу соответствует здоровое, полноценное и полноцветное осознание собственной истории. Способность воспринимать происшедшее таким, каково оно есть, опираться на факты, а не на домыслы, мнения и оценки, способность к пониманию реальности и принятию собственной ответственности за это своё понимание делает общество устойчивым и, в конечном счёте, жизнеспособным. Замена реального содержания истории «правильными», «нужными», «патриотичными» и прочими «хорошими» историческими схемами и фантазиями невротизируют и психотизируют общество, способствуя развитию в нем болезненных состояний.

Так пишет об этом Евгений Валентинович:

«Чем больше аспектов собственной жизни, включённых в исторический контекст, находится в поле осознания человека, тем более устойчив такой человек. Это можно обозначить как личностно-терапевтический и социально-терапевтический смысл изучения истории... Для того чтобы понимать, реконструировать смыслы и значения истории, мы с необходимостью должны основываться на вопросах, обращаемых к отдельным текстам истории – событиям и источникам. Тот, кто сам не ощутил труд и вкус собствен-

ного осмысления, вряд ли будет в состоянии признавать и узнавать право на подобное для другого. А ведь есть все основания полагать, что история творится именно так, как она познаётся. И в одном случае историю будут творить активные, интеллектуально и духовно трезвые и сознающие свою ответственность субъекты, а в другом...»

Из этих формулировок можно сделать довольно простой, но нетривиальный вывод о том, чему стоило бы учиться на уроках истории. А именно: описанию, осмыслению и исследованию творимой человеком жизни – далеко не только прошлой, но настоящей и будущей.

Вера в жизнь как условие понимания

Цитатой про понимание не столько истории, сколько себя и других, мне хотелось бы завершить эту главу. Принадлежит цитата Евгению Шулешко, создателю педагогической практики, сфокусированной прежде всего на задачах взаимопонимания детей и взрослых (характерно, что и главная его книга называется «Понимание грамотности»).

Е. Е. Шулешко подчёркивал в своей работе с воспитателями и учителями, что понимание в принципе не может быть проблемой чисто интеллектуальной. Что мы привыкли говорить о понимании на рассудочном уровне, но если нам на самом деле нужно не промысливать, не рефлексировать, а по-

нимать – то рефлексия скорее способна помешать, нежели помочь; нам-то нужно уметь *срабатывать на понимание* в конкретной ситуации взаимодействия. Вот запись характерных для него слов:

«Интересно не столько то, как понять другого – и какие способности для этого культивировать. Самая-то важная задача – уметь приходить к взаимопониманию с самим собой. Но только общение с другими даёт нам эту возможность.

Для понимания нужна простая штука – вера в жизнь.

Если мы говорим о личностных взаимодействиях людей, то нужно понимать, что они основываются на незатейливой тайне. На надежде, что что-то может разрешиться в этой жизни. Поэтому нам интересно понимать друг друга. Дети спокойно и увлечённо живут, пока у них не отнимают веру во что-то. Как только у них веру отняли – тогда всё кончается. Если остаётся только трезвый пессимизм – то понимание места не обнаружится.

Потому что сначала надо утвердить веру в жизнь. Если она закрепилась – будет и понимание».

Если вернуть нашу мысль обратно к историческим сюжетам, то напрашивается такая аналогия. Трезвый, внимательный и неизбежно во многом печальный взгляд на прошлое становится понимающим только тогда, когда освещён надеждой (пусть даже приправленной здоровой самоиронией) в от-

ношениях к будущему.

Глава 2. Об уважении к правовым основам образования

О самоопределении и самообманах

«Я – государственник» или «я – консерватор» – так уже много лет публично определяют свою политическую позицию большинство чиновников, крупных бизнесменов и прочих «солидных» людей нашей страны. Не вижу в том ничего дурного; скорее наоборот. Настораживает иное: с каждым годом такую позицию всё чаще принято сочетать с иронией по поводу «общечеловеческих ценностей и прочих либеральных штук», «иллюзий демократии», «претензий на приоритет личных свобод над общественными интересами», «всяких там прав человека, навязанных нам с Запада». На общем фоне агрессивной политической риторики такие восклицания не удивляют; но насколько допустимы подобные фразы в выступлениях людей, связанных с образовательной политикой?

Да, есть основания по-разному понимать либерализм и очень по-разному к нему относиться; можно мыслить о России как стране европейских, азиатских или евразийских традиций; можно быть сторонником большей открытости или

большей закрытости страны. Но требование государственно-го уважения прав и свобод человека – отнюдь не либеральная блажь. Можно в душе ценить или презирать Всеобщую декларацию прав человека – но вряд ли, демонстрируя к содержанию этого важнейшего документа ООН своё презрение публично, стоит продолжать именовать себя «государственником» или «консерватором». Ибо и «государственничество», и «консерватизм» как политические идеологии жёстко связаны с уважением к закону, легитимности, правовой традиции.

На положениях Всеобщей декларации прав человека основаны важнейшие международные конвенции, юридически-обязательные для ратифицировавших их государств, включая Россию; важнейшим тезисам этой декларации полностью соответствуют ключевые статьи «Основ конституционного строя» (Глава 1 Конституции РФ). А первая статья Закона РФ «Об образовании» формулирует, что «...предметом регулирования настоящего Федерального закона являются общественные отношения, возникающие в сфере образования в связи с <...> обеспечением государственных гарантий прав и свобод человека в сфере образования».

Более того: правовые идеи, производные от Всеобщей декларации прав человека, пронизывают всю систему российского законодательства в сфере образования.

Представления о правовом государстве как о государстве, «обузданном правом», где государственные интересы

не вправе подавлять человеческое достоинство – это не просто одна из из возможных идеологических конструкций или политических концепций. Статья Конституции РФ о том, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» – не просто риторический узор. Это важнейший «узел» связывающий российскую Конституцию с современным международным правом, с системой национального законодательства и с позитивной практикой законоприменения.

Разумеется, хорошо видна мера поражённости правовых отношений в нашей стране коррозией властного произвола, «телефонного права», псевдоюридических манипуляций и т. п. В этом мы не уникальны; на планете гораздо больше стран, где под подобной ржавчиной почти не видно «металла», чем стран образцово-правовых. Другое дело, что мало где в мире такую коррозию решаются вдруг поднимать на щит как особую норму, как проявление национальной самобытности, источник патриотического воодушевления или гражданской идентичности.

Увы, ржавчина – как бы бурно она ни цвела и как бы пышно ни смотрелась – не заменит собой несущие конструкции государства.

Когда чиновники и политики иронизируют над правами человека и рассматривают их только как более или менее удобный инструмент демагогических манипуляций, то их

«консерватизм» и «государственничество» – на деле всего лишь неуместная вывеска над революционно-радикальными убеждениями (пусть даже и неосознанными) по отношению к основам государственного строя.

Вдвойне непростителен подобный самообман в образовании.

Таков основной тезис этой главы. Далее несколько примечаний-комментариев.

О либерализме

Этому слову в новейшей российской истории и словоупотреблении хронически не везло. Оно означает слишком много разных понятий, которые, тем не менее, принято принимать или осуждать «одним чохом»:

- *Бытовой «либерализм».* В бытовом языке издавна либеральность используют как синоним «излишней терпимости, вредной снисходительности и попустительства».

- *Либерализм персональный.* У всех политиков, числившихся либералами в девяностые годы – от вождей приватизации до «либерал-демократов» – сложилась, мягко говоря, заслуженно неоднозначная репутация.

- *Либерализм экономический.* Российские политические либералы часто объявляли себя приверженцами «неолиберальной экономической теории» (принципам которой, впрочем, следовали весьма выборочно): в данном случае речь

идёт лишь об одной из известных, но весьма спорных экономических концепций, в макроэкономике по-прежнему значительно уступающей по популярности своему главному оппоненту – теории Дж. Кейнса (успешно доминирующей в мировой политэкономии более полувека).

- *Философско-политическая традиция.* Все права должны быть в руках у физических лиц и созданных ими деловых организаций, а государство существует исключительно для защиты их прав и имущества – так в утрированном виде звучит базовый тезис классического политического либерализма. В постперестроечной России ссылками на мифологию такого умозрительного либерализма XVIII века оправдывалась тотальная безответственность государственных органов перед нуждающимися людьми и социальными структурами, право немногочисленных выгодоприобретателей от раздела госимущества на игнорирование законных интересов остальных граждан и т. п. Недоверие к последователям этой идеологии вполне понятно.

Ко всем перечисленным явлениям есть основания относиться в меру негативно, позитивно, нейтрально, рассудительно и т. д.

Но важно не переносить свою критичность относительно конкретных либеральных доктрин на нечто гораздо большее: на то, что вот уже более полувека обеспечивает основы международного взаимопонимания и внутринационального

согласия в большинстве стран мира, на то, что согласовывает личностное и социальное развитие в наиболее развитых из них.

Европейская либеральная мысль, безусловно, стала одним из источников современных представлений о правах человека. Но источником далеко не единственным. (Как и для большинства правовых государств классический либерализм – лишь один из важных источников политических традиций наряду с качественно другими: христианско-демократическими, социалистическими, экологическими, консервативными).

Главный документ «широко понимаемого либерализма»: Всеобщая декларация прав человека – был создан в диалоге представителей разных континентов, вероисповеданий и политических идеологий, в сложно достигнутом согласии представителей стран, которые в тот момент маркировались как социалистические, капиталистические или развивающиеся; он стал важнейшим символическим произведением Организации Объединённых Наций, краеугольным камнем её развития.

О Декларации

Вот перечень людей, в наибольшей степени причастных к авторству Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года.

Ливанский философ и православный христианин Шарль Хабиб Малик. Китайский драматург и дипломат Чжан Пэн-чунь. Канадский профессор-юрист Джон Хамфри. Вдова американского президента Элеонора Рузвельт. Рене Кассен – бывший министр юстиции в «Сражающейся Франции» Шарля де Голля. Советский академик-правовед Владимир Михайлович Корецкий (он был первым заместителем председателя Комиссии по правам человека ООН с 1947 по 1949 год). Бывший узник Бухенвальда, немец-антифашист и гражданин Франции Стефан Фредерик Эссель. Два года с момента учреждения ООН эти люди и те, кто помогал им, начав с различных исходных точек, искали такие определения прав человека, на которых могло бы сойтись общее согласие.

От принципов «естественного права» французских просветителей до конфуцианских идеалов гуманности, от христианских взглядов на ответственность человека за свою духовную свободу до социалистических представлений об обязанностях общества перед людьми, от исламских норм общинной взаимопомощи до опыта Ганди, сумевшего, отвергнув кастовую традицию, обратить ценности индуизма на поддержку свободы и равноправия, от античных мыслителей до современных событиям философских работ, резюмирующих страшный путь выживания человеческого достоинства в годы второй мировой войны – все эти столь разнородные источники приводились к согласию и единству формулировок.

Всю эту работу и перечисленные имена хорошо бы вспоминать тем нынешним ораторам, которым привычно рассуждать о «правах человека как навязанной с Запада идеологии, чуждой духу русской цивилизации».

Шарль Малик представил проект Декларации Генеральной Ассамблее ООН в следующих словах:

«Тысячи умов и рук участвовали в её составлении. Каждый член Организации Объединенных Наций дал торжественное обещание добиваться уважения к правам человека и соблюдения их. Однако в чём именно заключаются эти права, нам никогда раньше не объясняли – ни в нашем Уставе, ни в каком-либо другом национальном документе. Сегодня впервые принципы прав человека и фундаментальных свобод разъясняются авторитетно и подробно. Теперь я знаю, что конкретно мое правительство пообещало поддерживать, чего добиваться и что соблюдать... Я могу вести агитацию против своего правительства, а если оно не выполнит своих обещаний, я буду знать, что за мной – моральная поддержка всего мира».

Потом на ежедневных заседаниях в течение двух месяцев делегаты рассматривали множество поправок, обсуждая каждую. Каждая статья проекта Декларации ставилась на голосование отдельно. Только дебаты по первой статье растянулись на шесть дней. «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разу-

мом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства», – гласит эта статья.

Критиковали Декларацию вполне предсказуемо: всё это, мол, одни слова, не имеющие юридической силы.

Действительно, Генеральная Ассамблея ООН провозгласила Всеобщую декларацию прав человека всего лишь «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства».

Но за следующие полстолетия шаг за шагом на этой основе принимались пакты и конвенции, уже юридически-обязательные для ратифицировавших их государств, в том числе такие фундаментальные, как:

- Международный пакт о гражданских и политических правах;
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах;
- Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации;
- Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания;
- Конвенция о правах ребёнка.

Все перечисленные документы ратифицированы и нашей страной.

О действительности законов

– Где эти ваши законы соблюдают! Да посмотрите вокруг!

– А вы думаете, у них лучше что ли? Да они-то вообще...

– Пусть сначала я увижу, что этот закон соблюдают, а потом уже подумаю, соблюдать ли его мне...

В этих столь привычных формулировках звучит отечественная традиция даже не правового нигилизма, а своеобразного правового утопизма: веры в то, что только наглядно и повсеместно действующий закон (за неисполнение которого следует неминуемая кара) является настоящим.

Но любой настоящий закон – прежде всего, закон для внутреннего отношения к нему самих людей. Тех, кто признаёт его значимым для себя вне зависимости от меры наказания или степени соблюдения его другими.

Только идея закона, живущая в людях и их общественных отношениях – и порождает законосообразные практики, действия и поступки.

Сначала закон оживает в людях – и только потом в государствах.

О ценностях рациональных и ценностях глубинных

В Европе правовое утверждение принципов Всеобщей декларации прав человека происходило с заметным опережением общемирового процесса.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод вступила в силу уже в 1953 году и создала особый механизм их защиты: тот самый Европейский суд по правам человека, вошедший в народный фольклор уже привычной фразой «до Страсбурга дойду!» Но, конечно же, сотни или даже тысячи дел, рассмотренных Страсбургским судом, не имели такого огромного значения для Европейского континента в сравнении с самим укрепляющимся в сознании людей принципом защищённости их основных прав как нормы общественной жизни.

А сам Европейский суд возник в качестве одного из проектов Совета Европы: организации, в которой «содействие экономическому и социальному прогрессу» изначально утверждалось в непосредственной связи с «поддержанием и дальнейшим осуществлением прав человека и основных свобод».

Любопытны нюансы построения мысли в первых строках Устава Совета Европы: «Правительства... вновь утверждая свою приверженность духовным и моральным ценностям,

которые являются общим достоянием их народов и подлинным источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства Права, лежащих в основе любой истинной демократии...».

Обратим внимание на звучащую в документе логическую последовательность:

1) принцип свободы личности, политические свободы и верховенство Права возникают не из воздуха – у них есть источники в духовных и моральных ценностях каждого народа;

2) при этом ценности права и свободы личности мы можем рационально определять и защищать;

3) а утверждая свою приверженность духовным и моральным ценностям, мы, во-первых, допускаем их множественность и разнообразие, а, во-вторых – не считаем необходимым подвергать их попыткам юридически-однозначных формулировок.

Этот пример показателен на фоне привычных в России рассуждений о «наших» и «ненаших» ценностях. Ведь вместо примитивного арифметического жанра или/или, наше/ненаше, отнять/прибавить, разговор можно вести хотя бы на уровне «алгебры». С учётом того, что в одних ценностях важно и нужно видеть самобытное, интуитивно-понимаемое, невыразимое в юридических формулировках – а относительно других можно и нужно определять универсальные, ясные и твёрдые принципы.

И хорошо бы одно с другим не путать...

О преамбуле вместо послесловия

Завершая эту главу, хотелось бы обратиться к самому началу Всеобщей декларации прав человека. Преамбула начинается так:

«Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира; и

принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей; и

принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения; и

принимая во внимание, что необходимо содействовать развитию дружественных отношений между народами...».

Слишком часто за прошедшие с 1949 года десятилетия можно было видеть, как пренебрежение и презрение к пра-

вам человека – прямо и косвенно – вновь и вновь «приводили к варварским актам, которые возмущали совесть человечества».

Варварство в данном случае – это не произвольный негативный эпитет. Характерно философское определение. «Варвар – личность, создаваемая толпой; самоутверждающаяся безличность». Насмешки над «правами человека», «либеральным общечеловечьем», противопоставление ценностям личной свободы, достоинства и ответственности «патриотических чувств», «исполнительской дисциплины», бездумного послушания бессовестным порой распоряжениям – всё это и есть питательная почва для деградации школьников от личностного роста к агрессивному примитивизму, к готовности самозабвенно следовать за озлобленной толпой.

Если результатом общего образования (при любых формальных учебных показателях) становится воспитание варварства – это означает подлинный крах школьной системы. Как ни оценивай: из интересов личности, семьи, общества, государства, религии – воспитание школой инстинктов варварства – преступление.

Постараемся быть внимательны, чтобы не разбрасывать и не подпитывать семена варварства.

Глава 3. Ответственность культуры и культурное многообразие

I. Культура и беспомощность

1.

«Вся моя Россия умещается у меня в голове и в моей домашней библиотеке. Моя Россия – это Россия Пушкина и Тургенева...». Теперь повсеместно то читаешь, то слышишь нечто подобное. Или ещё так: *«Сущность нашей страны – не безмозглые вожди, окружённые холоуями и палачами, а Набоков, Булгаков, Ахматова, Мандельштам, Бродский. Они останутся во времени, они и будут Россией, даже если из-за глупости правителей такое государство однажды перестанет существовать...»* И прочее в том же роде об ужасной политике, жуткой истории, отвратительном обществе и прекрасной русской культуре, в которую можно спрятаться по детскому принципу «Я в домике».

Итогом русского культурного развития словно оказывается иллюстрация к антиутопии из «Машины времени» Уэллса: где злобные подземные морлоки живут в симбиозе с ми-

лыми интеллигентными элоями, которые лишь чуть пугаются, если кого-то из них утаскивают на ужин – и торопятся о том забыть, скрываясь щебетать в уютных куцах.

В фокусе общественного внимания не наблюдается ни рациональных проектов конструктивных действий, ни даже намёка на здравые, адекватные реальным обстоятельствам позитивные образы завтрашней России. Крах общественных ориентиров – момент профессиональной ответственности гуманитарно образованных людей; именно их знания и умения теперь наиболее востребованы. Как поступают офицеры в отставке, когда начинается война? Чего ждут от врача, которого будят среди ночи ради спасения больного? Но когда общество утрачивает здравые ориентиры и вместе со страной сползает в пропасть – чего ожидать в России от «людей культуры»? – только того, что они произнесут ряд гневных фраз и уедут перечитывать Тургенева в Баден-Баден или ещё какую «внутреннюю монголию». Но если за будущее сражаются только негативные сценарии, то никакая правильная Россия, «завещанная нам Пушкиным и Тургеневым», уж точно ниоткуда не возникнет.

Мы вступили в годы национального позора, за которые будет мучительно стыдно будущим поколениям русских людей. Через два десятка лет оправдания: «А я Тургенева читал», «я – как завещали: лучше жил в глухой провинции у моря», «я же каждый год на митинг выходил» и т. п. – прозвучат ничуть не лучше рассказов про то, что «нам же та-

кое по телевизору говорили! все верили, ну и я отчасти...»

Никого лично ни в чём не упрекаю. Менее всего готов кого-либо осуждать за недостаточно активную жизненную позицию, понимаю и поддерживаю эмиграцию тех, кто разумно предпочитает уехать. Речь здесь не о гражданской позиции, а о параличе интеллектуальной работы, о внезапном исчезновении культурных ресурсов для неё.

Вдруг что-то не так именно там: «в России Тургенева?» Если национальная культура воспитывает лишь агрессивных идиотов, тихих обывателей и людей, которые в решающие для страны годы могут лишь наблюдать, рефлексировать и возмущаться – то быть может что-то не так с этой культурой? Или – как минимум – что-то не так в наших с ней взаимоотношениях?

2.

а) Но разве культуру должно мерить её общественной «отдачей»?

Отчасти – да, должно.

б) Но разве мы можем выбирать свою культуру по своей воле?

Отчасти – да, можем.

Пусть даже культура («возделывание» по первоначальному смыслу латинского слова) обращена прежде к личному, чем к общему, к «возделыванию» человека прежде, чем к

«возделыванию» народа, но само сочетание слов «национальная культура» указывает на факт вольной или невольной ответственности культуры за историческую судьбу народа, её создающего и ею создаваемого. Кто-то готов видеть в культуре лишь сокровищницу артефактов для эстетического удовольствия и душевного развития; их право. Но эта книга обращена к тем, кто признаёт конструктивную роль национальной культуры для жизнеспособности страны:

- для национального взаимопонимания,
- для вменяемости общественных отношений,
- для выработки ориентиров общественной мысли.

Увы, перечисленные задачи в России едва ли выполняются, а предлагаемые «классической» русской культурой координаты всё хуже ложатся на карту реальности. «Лучи света и тёмные царства», «Народ и интеллигенция», «Европа и Россия», «Долой самодержавие или за царя и отечество», «Дворянство и большевизм», «Петр и Пугачев: власть и стихия», «Маленький человек и безжалостный мир», «Хорь и Калиныч», «Штольц и Обломов», «Героический бунт и теория малых дел», «Тварь я дрожащая или будем как Солнце» и т. д. – в вариациях на подобные литературные темы полтора столетия бился прибой живой мысли, исторических драм, судьбоносных решений. А теперь вода ушла. Осталась словесная пена, взбиваемая инстинктами «культурного воспитания».

Русская классика и в наши дни отзеркаливает множество узнаваемых архетипов, над которыми можно потешаться или ужасаться – но не позволяет даже формулировать рабочие вопросы, подразумевающие возможность толковых решений, а не только патетических реплик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.